

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.375-391>
EDN: QETBGY

УДК 94(47).031

ОБРАЗ «ТАТАР» В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ГОСУДАРСТВ «ХРИСТИАНСКОГО МИРА»

Л.В. Воротынцев¹ ✉, Т.Р. Галимов²

¹ *Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина*

Елец, Российская Федерация

² *Казанский федеральный университет*

Казань, Российская Федерация

✉ leonrus1245@mail.ru

Резюме. Цель исследования: рассмотреть некоторые аспекты образа «татар» отраженные в письменных источниках Древней Руси и других христианских государств в контексте этногеографической картины мира и эсхатологических представлений «книжников», а также причины трансформации этого образа в письменном нарративе стран «христианского мира» на протяжении XIII–XIV вв.

Материалы исследования: комплекс русских летописных источников, историко-литературные произведения Древней Руси («Поучение преподобного Серапиона», «Задонщина»), «История о Михаиле и Андронике Палеологах» Георгия Пахимера, грузинский хронограф «Жамта агмцерели», «История народа стрелков» инока Магаккии, «История Армении» Киракоса Гандзакеци, «Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами» Магистра Рогерия, «Великая хроника» Матвея Парижского, «История татар» Ц. де Бриа, «История монголов» Плано Карпини, «Книга Юбилеев», образцы политической переписки и отчеты христианских миссионеров.

Результаты и новизна исследования: основываясь на сравнительном анализе русских, кавказских и европейских источников, авторы приходят к выводу о том, что образ «татар» («тартар»), представленный в средневековых нарративных источниках государств т. н. «христианского мира» претерпел значительные изменения на протяжении всего периода существования монгольских государств. Если на начальном этапе, новые восточные завоеватели описывались в качестве «затворенных», апокалиптических «языков» и/или потомков ветхозаветных народов, то несколько позднее, стали восприниматься как некие чуждые по вере и обычаям, но довольно высокоразвитые человеческие сообщества, наделенные, помимо отрицательных и некоторыми положительными качествами. Основными причинами трансформации образа «татар» стали интенсивные политико-дипломатические, торговые и миссионерские контакты представителей «христианского мира» с правящей верхушкой и населением Монгольской империи и чингизидских государств, а также военные компании монголов против ряда мусульманских государств Ближнего Востока, Южного Кавказа и Малой Азии, являвшихся многовековыми врагами христианских народов данного региона.

Ключевые слова: образ «татар», «затворенные» народы, «дивьи люди», библейская традиция, эсхатологические представления, картина мира, ментальное восприятие

© Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р. Образ «татар» в письменных источниках Древней Руси и государств «христианского мира» // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 2. С. 375–391. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.375-391> EDN: QETBGY

THE IMAGE OF THE "TATARS" IN THE WRITTEN SOURCES OF OLD RUSSIA AND THE STATES OF THE "CHRISTIAN WORLD"

L.V. Vorotyntsev ¹✉, T.R. Galimov ²

¹ *Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation*

² *Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation*

✉ leonrus1245@mail.ru

Abstract. Research objectives: To identify the main features of the image of the "Tatars" reflected in the narrative sources of Old Russia and other Christian states.

Research materials: A body of Russian chronicle sources, historical and literary works of Old Russia ("The Teaching of St. Serapion", "Zadonshchina"), "The Story of Mikhail and Andronik Palaialogos" by George Pachymeres, the Georgian chronograph "Zhamta agmtsereli", "The History of the Nation of Archers" by the monk, Magakia, "The History of Armenia" by Kirakos Gandzaketsi, "Epistle to the Sorrowful Lament about the Destruction of the Hungarian Kingdom by the Tatars" by Master Roger, and "The Great Chronicle" (Chronica Maiora) by Matthew Paris.

Results and novelty of the research: Based on the comparative use of Russian, Caucasian, and European sources, the authors come to the conclusion that the image of the "Tatars" presented in Russian written sources combines both the characteristics of the Eastern conquerors common to the Christian cultural and historical narrative, and a number of differences. The general features include the correlation of the "Tatars", at the initial stages of their military expansion, with the peoples of the "End Times" or the idea of them as a "scourge of God" sent as punishment for the sins of Christians. A specific feature of the image of the "Tatars" contained in Russian chronicles is the almost complete lack of information about their appearance, everyday culture, and military skills.

Keywords: the image of "Tatars", "reclusive" peoples, "divine peoples", Biblical tradition, eschatological ideas, world picture, mental perception

For citation: Vorotyntsev L.V., Galimov T.R. The image of the "Tatars" in the written sources of Old Russia and the States of the "Christian world". *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 375–391. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-2.375-391> (In Russian)

Одним из последствий монгольской военной экспансии в страны Восточной и Центральной Европы, стало появление на этногеографической «карте мира» древнерусских «книжников» нового народа («языка»), получившего в летописных источниках и историко-литературных произведениях название «татар»¹.

Тема отражения представлений о тюрко-монгольских кочевых народах в древнерусских летописях и произведениях историко-литературного жанра неоднократно вызвала интерес как у отечественных, так и зарубежных медиевистов. В числе последних по времени работ, посвященных данному вопросу, следует особо отметить фундаментальное исследование В.Н. Рудакова и рецензионный отзыв на него Ю.В. Селезнева [27; 29, с. 215–232]. В той или иной степени, проблема ментального восприятия кочевого населения Золотой Орды составителями русских летописных сводов и иных нарративных источников рассматривалась в работах Л.С. Чекина, И.В. Зайцева, В.В. Долгова, Ч. Гальперина, Д. Островского, П. Голдена, А. Николова, А.В. Лаушкина [32, с. 691–716; 11, с. 100–107; 8, с. 339–372; 4, с. 129; 36; 35, р. 24–75; 20, с. 14–28; 16, с. 223–225]. Вместе с тем, некоторые аспекты вышеуказанной темы нуждаются в дополнительном, более детальном рассмотрении. К таковым аспектам, прежде всего, следует отнести вопрос трактовки образа «татар» в контексте этногеографической картины мира и эсхатологических представлений русских летописцев, а также дискуссионные моменты, связанные с феноменом изменений представлений о «татарах» в письменных источниках христианских государств.

Методологической основой представляемого исследования является сравнительный (компаративный) анализ сообщений древнерусских источников посвященных образу тюрко-монгольских кочевников эпохи нашествия и зависимости, с аналогичными по тематике сообщениями источников ряда государств «христианского мира»², а также общий анализ социальных и военно-политических факторов, непосредственным образом влиявшим на трансформацию образа тюрко-монгольских кочевых этносов Евразийской Степи в письменном нарративе христианских стран.

Рассматривая проблему ментального восприятия «татар» древнерусскими «книжниками» следует принимать во внимание то обстоятельство, что этногеографическая картина мира летописцев базировалась на библейском постулате о разделе всей земли на определенные «части» («жребии») между сыновьями «праотца Ноя» – Сима, Хама, Иафета: «...по раздрушении же столпа и по разделении языкъ прияша сынове Симовы вѣсточныя страны а Хамовы же полоуношныя страны, Афетови же сынове запад прияша...» [25, Стб. 5]. Согласно летописному сообщению, раздел мира между сыновьями Ноя сопровождался неким договором, с обязательствами соблюдения границ «частей» каждого брата: «Симъ же и Хамъ и Афеть разделише землю, жребьи

¹ Вопросы происхождения и соотношения этнонимов (позднее политонимов) «татары» и «монголы» подробно рассматриваются в работах Д.М. Исакова и Ю.И. Дробышева [14, с. 420–242; 9, с. 217–234].

² Понятие «христианский мир» используется авторами исследования в широком значении этого термина, как совокупность всех христианских государств Европы, Южного Кавказа и Малой Азии в период монгольских завоеваний и эпохи «Рах Mongolica».

метавше, не преступати никому же въ жребии братень и живахо кождо въ своей части бы...» [24, Стб. 4–5].

Подобные представления составителей русских летописных сводов основывались на описании данного эпизода библейской истории в апокрифической ветхозаветной Книге Юбилеев (Малое Бытие), согласно которому: «Так разделили сыновья Ноевы земли свои... в присутствии Ноя, отца своего, и связал он их клятвою, сулящею проклятие всякому, кто пожелает взять удел, не выпавший ему по жребию. И сказали все они: «Да будет так, да будет так», за себя и за сынов своих навеки, в поколениях их, вплоть до дня Суда, в который Господь бог будет судить всех мечем и огнем...» [15, с. 38; 17, с. 79].

Таким образом, в древнерусской историко-географической традиции обитаемый мир представлял из себя относительно статичную систему, с четко очерченными границами частей света, выход за пределы которых живущих там народов был ограничен условиями бессрочного договора, некогда заключенным между Симом, Хамом и Афетом.

Исходя из подобных мировоззренческих установок, вторжение «языков» не принадлежащих к той «части», к которой относились земли подвергшиеся нападению, воспринималось древнерусскими «книжниками» как нарушение установленного миропорядка и одно из свидетельств приближения «конца времен».

Кроме того, согласно восточно-христианской историко-географической традиции, кочевые народы Востока относились русскими летописцами к потомству Агари, «робы» (рабыни) Авраама и в некоторых случаях назывались внуками Агари – «агарянами» или «измаилтянами» (по имени сына Агари – Измаила, прародителя кочевых народов) [26, Стб. 778]³, а их стабильно враждебные отношения с христианскими народами выводились из ветхозаветной истории изгнания Агари с новорожденным сыном в «пустыни».

Поскольку Русь территориально принадлежала к «Афетовой части» [24, Стб. 4], а страны располагавшиеся к югу от Кавказского хребта и к востоку от Волги относились к «части Симовой» [24, Стб. 1, 4], то появление в 1223 г. у границ русских земель монгольских туменов и последовавшее за этим катастрофическое поражение русско-половецких ратей в битве на Калке, было закономерно истолковано летописцами как предвестие грядущих апокалиптических перемен: «Того же лета явишася языци, их же никто же добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша и что языкъ ихъ и которому племени суть и что вера ихъ и зовуть я Татары, а инии глаголят Таумены, а друзии Печенези инии глаголють яко се суть они же Мефодии Патомскыи епископъ свидетельствует яко си суть ишли ис пустыня Етриевскыи суще межю востоком и севером...яко к скончанью времянь явитися те яже загна Гедeonъ и попленьять землю...» [24, Стб. 445–446].

Судя по вышеприведенному летописному сообщению, ментальное восприятие неведомых «языков» некоторыми представителями образованных слоев древнерусского общества носило ярко выраженную эсхатологическую

³ В древнерусском эпосе «Задонщина», создание которого датируется последней четвертью XIV в., «татары», сохраняя принадлежность к «жребию Симову», имеют несколько иную этно-конфессиональную принадлежность: «И оттоля на восточную страну – жребий Симова, сына Ноева, от него же родися киновя – поганые татаровя, басурмановя. Те бо на Каяле одолеша родъ Афетов...» [10].

окраску. Пришедшие с Востока «татары» олицетворялись с некими апокалиптическими народами, выход которых из «пустынь» знаменовал «конец времен».

Подобные представления о «татарах» как о «затворенных» в восточных «пустынях» потомках библейских народов сохранялись в среде русского духовенства и в период монгольского нашествия. Об том, в частности, свидетельствует сообщение доминиканского миссионера Юлиана, посетившего земли Северо-Восточной Руси накануне вторжения войск Чингизидов. Согласно сообщению католического священнослужителя: «...один русский клирик, переписавший нам кое-что из истории «Книги Судей»; говорил, что тартары – это маданиты, которые напали на детей Израиля в союзе с амаликитянами и были побеждены Гедеоном, как говорится в «Книге Судей». Бежав оттуда, упомянутые мадианиты обитали около одной реки по имени Тартар, отчего и зовутся тартарами» [33, с. 390]⁴.

В Ипатьевском летописном своде пришедшие с востока «татары» соотносятся с восточными соседями древнего Израиля – моавитянами: «В лето 6732 приде неслыханная рать, безбожнии Моавитяне рекомы Татаръве, придоша на землю Половецкоую» [24, Стб. 740]. В свою очередь, Новгородская I летопись, описывая в панегирическом тоне первую поездку Александра Ярославича в ставку Бату, называет супруг подданных правителя Улуса Джучи «женами Моавитскими»: «Князь же Александръ...поиде в Володимиръ...и сие грозень бысть приход его...И начаша жены Моавиския полошати детеи своих, токо ркуще: «Александръ, грозный князь, идет...» [26, с. 303–304].

Образ «татар» («тартар») как апокалиптического народа присутствует и в некоторых европейских, а также кавказских источниках. Так, в описании «тартар» непосредственно контактировавшего с ними в Венгрии итальянского епископа Рогерия, восточные кочевники сравниваются с мифическими народами Гог и Магог, чье появление из заточения предвещало конец света: «...Они («тартары» – Л.В.; Т.Г.) направили на Русь некоторых лазутчиков, из которых двое были взяты в плен и отосланы к королю Венгрии. И они находились под моим надзором в течении долгого времени, и от них я узнал те новости, которые я послал во Францию, скрепленные моей печатью. Я спросил их, где находится их земля. Они сказали, что она находится за некими горами и рядом с народом, зовущимся Гог; и я полагаю, что тот народ – Гог и Магог...» [33, с. 408].

Схожая трактовка происхождения «тартар» представлена и в «Великой хронике» Матвея Парижского: «...в тот же год ненавистный плебс Сатаны, то есть беспредельное войско тартар, вырвался из своей области, окруженной горами...Считается, что эти...тартары происходят от десяти племен, которые ушли, отвергнув законы Моисея, вслед за двумя золотыми тельцами. Их также Александр Македонский первым пытался заключить в отвесные Каспийские горы при помощи глыб, скрепленных смолой. И когда он увидел, что такое творение выходило за пределы человеческих способностей, он призвал на помощь бога Израиля. И сошлись вместе верхи гор, и стало место недос-

⁴ Как «последних мадианитов», «бежавших от лица Гедеоны» в восточные и северные «пустыни» охарактеризовал «татар» и русский архиепископ Петр, отвечая на вопросы заданные ему на Лионском соборе [19, с. 181].

тупным и непроходимым... Отсюда становится ясным, что Бог не хотел, чтобы они вышли наружу...» [33, с. 415–416].

В представлении армянского хрониста Киракоса Гандзакеци, появление «татар» также являлось одним из признаков наступающего апокалипсиса: «...Наступил конец света, и предтечи антихристовы предвещают пришествие сына погибели. И нас смущают откровения святых и боговдохновенных мужей... А также пророчество патриарха нашего святого Нерсеса, который предсказал гибель страны армян от племени стрелков...» [14, с. 152].

Вместе с тем, уже во время вторжения чингизидских туменов в страны Восточной и Центральной Европы и первые годы после монгольского нашествия, у европейских, кавказских и русских политических элит появляется заинтересованность в получении как можно более подробной информации о неведомых «находниках» с Востока.

Данная тенденция четко фиксируется сообщениями письменных источников первой половины XIII в. Так, уже в письме германского императора Фридриха Гогенштауфена, отправленного им английскому королю в 1241 г., описание «тартар» носит довольно реалистичный характер⁵. В 1245 г. на Лионском соборе, русскому архиепископу Петру был задан ряд вопросов, свидетельствующих о том, что к данному времени «тартары»/«татары» стали восприниматься верхушкой католической церкви и светской аристократией европейских государств в качестве пусть и чуждого, иноверного, но человеческого народа, а не inferнальных созданий⁶.

После успешно завершившихся дипломатических миссий европейских дипломатов в ставки Чингизидов, совершенных в 40–50-х гг. XIII в. (посольства Платона Карпини и Бенедикта Поляка, Гильома де Рубрука, Андрея Лонжюмо) образ «татар» в представлениях образованных слоев европейского общества принимает все более человеческие черты, как народа, не лишённого положительных качеств [33, с. 123]. По всей вероятности, это было связано

⁵ «Что касается роста, то люди они низкорослые, но крепкие, коренастые и кряжистые. Они жилистые, сильны и отважны и устремляются по знаку своего предводителя на любые рискованные дела. У них широкие лица, косой взгляд; они издают ужасные звуки (боевые кличи – Л.В.; Т.Г.)... Одеты они в невыделанные воловьши, ослиные или конские шкуры. Доспехи у них [сделаны] из нашитых [на кожу] железных пластин... они владеют лучшими конями, вкушают изысканнейшие яства, наряжаются в красивейшие одежды. Эти тартары несравненные лучники, возят [с собой] сделанные из кожи пузыри, на которых спокойно переправляются через озера и быстротечные реки...» [19, с. 144].

⁶ В числе вопросов, заданных архиепископу Петру фигурировали вопросы о вероисповедании, религиозных обрядах «тартар», их образе жизни, соблюдении договоров и приеме послов [33, с. 45]. Характерно, что в ответах Петра сочетались как вполне реалистичные описания бытовых обычаев и правил политико-дипломатического поведения восточных завоевателей (обычай полигамии, военные навыки женщин, соблюдение договоров, уважительное отношение к послам), так и мифологические представления, соответствующие образу «народов Апокалипсиса» и «Божьего Бича» (якобы имевшийся у «тартар» обычай канибализма, происхождение от ветхозаветных, изгнанных народов, легенда о божественном мандате на завоевание и «очищении» мира «разрушительным мечом» в течение 39 лет) [19, с. 181–182]. В данном случае мы можем наблюдать характерный для сознания людей эпохи средневековья синтез сообщений очевидцев-информаторов с набором мифологем и слухов.

со значительными объемами информации, представленной в путевых отчетах вышеуказанных дипломатов, составленных с целью понимания перспектив налаживания политических контактов, а также оценки степени военной угрозы и возможностей противостоять ей. В данном контексте, от европейских дипломатов требовался сбор как можно более реалистичной информации о «татарах», а не пересказ известных мифологем и библейских ветхозаветных историй.

Аналогичным образом поступали и многочисленные католические миссионеры и неогоцианты, осуществлявшие прозелитическую и коммерческую деятельность на территории чингизидских государств во второй половине XIII–XIV вв. В путевых записках, отчетах и посланиях Джованни де Монте Корвино, Рикольдо де Монте Кроче, Иоганки Венгра, Марко Поло и других представителей церкви и торговых кругов Европы содержаться весьма реалистичные описания как самих «татар», так и подвластных им народов.

К сожалению, до нашего времени не дошли образцы русской политико-дипломатической переписки или описаний купеческих «хожений» XIII–XIV вв., в которых были бы отражены представления о «татарах» распространенные в светских кругах древнерусского общества. Поэтому, единственными русскоязычными источниками, содержащими информацию о народах, населявших обширные пространства державы Чингизидов (позднее Золотой Орды) являются летописные своды, дедактические наставления («слова») церковных иерархов, церковные жития князей и прочие произведения историко-литературного жанра.

После осмысления последствий монгольского нашествия и установления системы политической зависимости («воли татарской»), древнерусскими интеллектуалами – «книжниками» был сформирован и представлен несколько иной образ «татар» – как «божьего бича» («языка немилостивого»), обрушенного на православных христиан за греховный образ жизни.

Именно в таком ключе трактуются бедствия, связанные с «нахождением» кочевников из восточных «пустынь» в послании владимирского епископа Серапиона (1274–1275 гг.): «...Видев наша безаконья умножившася, видевины заповеди его отвергъша, много знамении показавъ, много страха пущаще...и ничим же унше не показаемъся! Тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лють, языкъ не щадящъ красы уны, немощи старецъ, младости дети; двинухомъ бо на ся ярость Бога нашего, по Давиду: «Въскоре възгорися ярость Его на ны...» [23].

Примечательно, что аналогичное объяснение причины бедствий, постигших Венгерское королевство в 1241 г. присутствует и в трактате итальянского клирика магистра Рогерия, являвшегося непосредственным свидетелем монгольского вторжения в Венгрию. В трактовке Рогерия, «татары» выступили в качестве орудия божьего гнева за греховные «беззакония» христиан: «...когда они (венгры – Л.В.; Т.Г.) спешили от королевских престолов в землю изгнания, он не покрыл их глаз нечистотами, но напротив, отточил меч как молнию. Посещал беззаконие их не посохом, но розгой, и прегрешения наказывал не целебными бальзамами...но бичеванием и гневом, глумлением над ними, когда пришло неожиданное бедствие, и многолюдная Венгрия была опустошена...» [18, с. 15–16].

Подобные представления о «татарах», по всей вероятности, были связаны не только с последствиями военных действий, сопровождавшихся разрушениями населенных пунктов и массовой гибелью людей, но и с установленной монголами системы фискальных сборов, сопровождаемой переписными мероприятиями, а также определенными повинностями, как гражданского, так и военного характера.

Так, в Новгородской I летописи именно тяготы проведения первой монгольской переписи, позволили составителю свода дать такое объяснение причин случившегося события: «В лето 6767 (1259 г.)...той же зиме... и бысть мятежь великъ в Новегороде и по волости много зла учиниша, беруще туску оканнымъ татаром... И ркоша Татаре: «дайте намъ число, или не дасте и мы бежимъ прочь»...И почаху ездити оканнии по улицамъ, пишуще домы крестьянскыя: зане навель богъ за грехы наша ис пустыня звери дивия ясти сильных плоти и пити кровь боярскую...» [26, с. 310–311]. В «поучениях» владимирского епископа Серапиона, «горькая работа» на «иноплеменников» также указывается в качестве одного из наказаний, постигших погрязших в грехах единоверцев: «...Какие казни от Бога не въсприяхомъ?...Не поработощени быхомъ оставшей горькою си работою от иноплеменникъ?...При нашем же языке чего не видехомъ?...еже предани быхом иноплеменникомъ не токмо на смерть и на пленение, но и на горькую работу...» [23].

Вместе с тем, длительное пребывание русских земель в государственной системе Монгольской империи и Улуса Джучи, сопровождавшегося постоянными и интенсивными контактами с правящими кругами и населением Золотой Орды не только представителей русской военно-политической и церковной элиты, но также и купцов, дружинников, жителей пограничных регионов, не могло не привести к значительной трансформации образа «татар», постепенно утрачивавших черты «дивьего» народа.

Тот же епископ Серапион, наряду с трактовкой поработивших Русь «татар», как «языка лютого» и «немилостивого», приводил весьма комплементарные характеристики традиций бытового поведения «поганных»: «Погани бо, закона Божия не ведуще, не убивают единоверных своихъ, ни ограбляют, ни обадятъ, ни поклепят, ни украдут, не зарятся чужаго; всяк поганый брата своего не предасть; но кого в них постигнет беда, то искупать его и на промыслъ дадут ему, а найденая в торгу проявляют...а мы... всегда неправды есмы исполнены, и зависти, немилосердия...» [23]. Несмотря на то, что подобное описание содержит несколько гиперболизированную характеристику благочестия иноверцев, обусловленную дидактической составляющей посланий владимирского епископа, некоторые подробности бытовой культуры ордынцев, представленные в «поучении», позволяют предположить, что русский церковный иерарх мог сам являться свидетелем подобного поведения «татар», либо получать сведения от людей длительное время проживавших в джучидских владениях.

Следует отметить, что подобные положительные характеристики «татар» («тохар») содержатся и в некоторых византийских, грузинских и армянских исторических хрониках. В частности, византийский хронист Георгий Пахимер описывая кочевое население улуса Ногай выделял целый ряд положительных качеств, присущих «тохарам». По оценке ромейского «летописца»: «...народ тохарский отличается простотой и общительностью, быстр и тверд

на войне, самодоволен в жизни...они верны в слове и правдивы в делах; а будучи свободными в душе и отличаясь прямою сердца, они ту же необманчивость речи, когда кого слушают, ту же неподдельность поступков желают находить и в других» [3, с. 226–227].

Составитель грузинской хроники «Жамта агмцереи», описывая пришедших на Южный Кавказ неведомых кочевников, помимо отрицательных черт монголо-татар, отмечал и присущие им положительные качества: «Так были дивны эти люди, что глядя на них, можно было признать их безумными. Однако всякая мудрость обретала среди них, и обладали они разумом полным, малоречивые, слова лживого не было среди них нигде. Не было у них подобострастия пред ликом человека: ни пред великим, ни пред малым даже на совете, ибо владели добрым порядком, сотворенным Чингиз-каэном...Была в законе у них вера и почитание единого бога бессмертного...» [1, с. 18].

В свою очередь армянский хронист Степанос Орбелян указывал на то обстоятельство, что «татары», будучи людьми «без Бога и веры», тем не менее, являлись народом соблюдавшим «естественный закон» и ненавидевшим «грязные пороки и все гнусные деяния, благомыслящий друг к другу... справедливый в своих суждениях и делах» [2, с. 11].

Еще один армянский «летописец» – Киракос Гандзакечи, подробно описывая военную жестокость и фискальную алчность «татар», тем не менее отмечал наличие множества христиан в монгольских войсках, расквартированных на Южном Кавказе и их, в ряде случаев, почтительное отношение к христианским святыням, а также благочестивое поведение некоторых «татарских» нойонов, помогавших в восстановлении церквей, монастырей и склепов разоренных «тюрьками и набегами грузин»: «...Иовсеп поехал к одному из татарских военначальников, по имени Анагурак-ноин...по его приказу вычистили церковь и освятили ее...И татарин тот проложил дорогу во все стороны, чтобы богомольцы могли без страха проходить через его стан...и сам охотно склонялся к ним. Многие из [татар] приходили туда и крестили сыновей и дочерей своих...И вовсе не все воины татарские были врагами креста и церкви, наоборот [многие] весьма почитали их, подносили подарки, поскольку не питали к ним ни ненависти, ни отвращения...» [14, с.193].

Подобные изменения образа «татар» в трудах кавказских и византийских хронистов, по всей вероятности, могут объясняться изменением военно-политической стратегии Чингизидов в Ближневосточно-Кавказском регионе. Если в 20–40-х гг. XIII в. отправленные на Запад монгольские тумены Субэдэя, Джэбэ, Чормагуна и Байджу проводили одинаково агрессивную военно-политическую линию в отношении всех государственных образований Кавказа, Ближнего Востока и Малой Азии пытавшихся оказывать им сопротивление, то с началом похода Хулагу монгольская экспансия приобретает ярко выраженный антимусульманский характер, сопровождавшийся как привлечением воинских контингентов армянских и грузинских аристократов (с последующим щедрым наделением их взятой в бою добычей), так и определенными льготными преференциями христианскому населению Ирака, Сирии, а также освобождения восточных христианских церквей от каких бы то ни было податей и повинностей, и заключением договоров и брачных союзов с кавказскими аристократами и византийскими династиями Ласкарей и Комни-

нов. Вышеуказанные обстоятельства не могли не найти отражения в описаниях «татар», начавших восприниматься армянскими, грузинскими и византийскими правящими элитами (как светскими, так и церковными), не как предвестники Конца Света, а как носители некоего божественного возмездия мусульманам и до определенного момента (принятия ильханом Газаном исламского вероучения в 1295 г.) покровители и заступники христиан⁷.

Сообщения о весьма комплиментарном отношении «татар» к христианам содержится и в некоторых европейских источниках. Так, католический миссионер из ордена миноритов Иоганка Венгр, описывая пребывание своей миссии в Улусе Джучи (первая четверть XIV в.) не только отмечал прохристианские предпочтения некоторых представителей управленческой элиты Золотой Орды⁸, но и указывал на перспективность христианской проповеди в среде кочевого населения державы Джучидов⁹.

В русских летописных описаниях многочисленных контактов представителей княжеских «домов» с монгольской военно-политической элитой, «татарские» военнначальники и правители наделяются как отрицательными, так и положительными качествами. В качестве основных отрицательных черт «татар» летописцы указывали их жестокость («лютость») и «лесь» (в значении военно-дипломатической хитрости): «...взяша град Рязань копьемъ, изведше на лъсти князя Юрья и ведоша Прынскоу, бе бо в то время княгини его в Проньскы изведоша княгиню его на лъсти оубиша Юрья князя и княгини его и всю землю избиша... поплени грады Суждальские и приде ко граду Козельску...уведавше же нечестивии яко...словесы лестными не возможно бе град прияти...» [25, Стб. 778, 780].

В тоже время, описывая визиты русских князей и княжичей в ставки «татарских» правителей, составители летописей неоднократно отмечали весьма благожелательное отношение Чингизидов к признававшим их верховную власть представителям правящей элиты Руси. Подобное отношение обозначалась термином «честь», включавшим в себя не только наделение русских князей владельческой инвеститурой в виде выдачи ярлыков, но и получения ценных даров, а также этикетных привилегий (почетные места на пирах, угощения элитными алкогольными напитками, служба в гвардии кешикте-нов). Допустимо предположить, что в понятие «честь татарской» включались и браки русских князей с «татарскими» аристократками, а также получение

⁷ В некоторых кавказских источниках, ряд представителей «татарского» «золотого рода» (Чингизидов) не только характеризуются как люди «большого ума, сведущие и справедливые», «создавшими мир», но и однозначно относятся к приверженцам христианского вероучения («уверовавшими в Бога», «богоизбранными»), уже принявших или готовыми принять крещение (Сартак, Мэнгу, Аргун) [2, с.11, 40; 14, с. 219].

⁸ «И были там татары, судьи баскардов, которые, не будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли ее...Ибо татары любят христиан, а их (мусульман – Л.В., Т.Г.) ненавидят и преследуют» [31, с. 279].

⁹ «Братья же наши...пожинают обильную жатву, проповедуя...Но гораздо большая жатва ждет тех, кто пожелает следовать за их кочевьями; тому учит верный опыт и труд...» [31, с. 278].

придворных чинов и административных должностей в государственной системе Монгольской империи и Улусе Джучи.

Специфической особенностью средневековых русских нарративных источников является факт практически полного отсутствия информации о внешности, бытовых привычках и военных навыках «татар» [28, с. 6–16]. Рассматривая данный вопрос, следует отметить, что, несмотря на отсутствие в древнерусской «книжной» культуре традиции подробного описания внешнего вида и образа жизни иноверцев, в ранних летописных сводах все же сохранились краткие сведения о некоторых элементах бытовой культуры кочевых народов, являвшихся соседями восточных славян и Руси в домонгольскую эпоху.

Так, в Ипатьевской летописи, в перечне обычаев иноверческих «языков», приводится описание пищевых и брачных традиций кипчаков (половцев): «Половци законъ держать отецъ свои, кровь проливати а хваляще о сихъ и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы, поймают мачехи своя и ятрови и ины обычая отецъ своихъ...» [25, Стб. 11–12]. И даже в летописном рассказе о полубогатырских «обрах» (аварах), сведения о которых могли быть почерпнуты исключительно из фольклорных преданий, присутствуют некоторые черты их внешнего облика и менталитета: «Въ си же времена быша и Обри...си же добре воеваху на Словене и примучиша Дулебы сущая Словены и насилье творяху женам дулебскимъ...быша бо Обре теломъ велици и оумомъ горды...» [24, Стб. 12; 24, Стб. 9].

В то же время единственной характеристикой бытовых привычек «татар», представленных в русских летописях, является клишированное представление о гастрономических предпочтениях кочевников, выраженное термином «сыроядцы» [26, с. 310] и упоминание о «черном кумысе» как напитке, подаваемом почетным гостям во время приемов у монгольских правителей [25, Стб. 807]. Данное обстоятельство резко отличает древнерусский исторический нарратив от европейских и кавказских источников, содержащих довольно подробные и в целом весьма реалистичные описания антропологического облика, бытовых привычек и военного искусства «татар».

Одно из наиболее ярких и весьма реалистичных описаний внешности пришедших на Южный Кавказ тюрко-монгольских кочевников представлено в грузинской хронике «Жамта агмцереи». В изложении анонимного составителя указанного источника «татары», пришедшие из «страны Солнечной на Востоке» были людьми «чуждыми ликом, нравами и внешностью...Однако были телом совершенны, плотью дородны и мощны ногами...с глазами узкими и карими, удлинненными и яркими; большеглавые, с волосами темными и частыми, плосколобые, с носами настолько низкими, что щеки возвышались над носами и были видны лишь маленькие ноздри; губы малые, зубы ровные и белые, совершенно безбородые...» [1, с. 17].

Кроме того, грузинский хронист отмечал особые навыки «татар» во владении метательным оружием и их пристрастие к мясной пище: «Вместе с тем, обрели они мужество и были лучниками избранными, безупречно метавшими из своих тугих луков тяжелыми стрелами, удара которых не выдерживали никакие доспехи. Особенно ловки они были на лошадях, ибо на лошадях они вырастали, не знали доспехов, кроме лука и стрел...не знали вкуса хлебного, но мясом бессловесных питались...» [1, с. 17–18].

В несколько гипертрофированном описании пришельцев с Востока, представленном в «Истории народа стрелков» инок Магакии, по всей вероятности, отразилось удивление автора и его современников необычным для Южного Кавказа и всего Ближневосточного региона обликом воинов Чормугуна и Бачу-нойона: «Мы расскажем здесь также и то, на что были похожи первые татары...головы их были громадны, как у буйволов; глаза узкие, как у цыплят; нос короткий, как у кошки; скулы выдавшиеся, как у собаки; поясница тонкая, как у муравья; ноги короткие, как у свиньи. Бороды у них вовсе не было. При львиной силе, они имели голос более пронзительный, чем у орла...» [12, с. 7].

Типичные для представителей монголоидной расы антропологические черты «татар» были отмечены и Киракосом Гандзакеци: «...Внешний вид их...наводил ужас...Борода не росла, лишь у некоторых росло несколько волосков на губах или подбородке, глаза узкие и быстрые, голос тонкий и пронзительный...» [14, с. 172]. В качестве бытовых привычек, Киракос Гандзакеци отмечал пристрастие «татар» к мясной пище: «Питаются всеми животными без разбора – чистыми и нечистыми, предпочитают всему же конину, которую делят на части и варят либо жарят без соли, затем крошат на мелкие куски и едят, макая в соленую воду...» [14, с. 172].

Аналогичные описания внешнего облика «тартар» представлены и в европейских источниках. Наиболее реалистичные и подробные характеристики внешности «тартар»-«моалов», их обычаев, бытовой культуры, религиозных воззрений и военных навыков содержится в путевых отчетах Плано Карпини и Бенедикта Поляка, составленных по итогам поездки папского посольства ко двору хагана Гуюка [21, 22, с. 26–37]¹⁰.

Отсутствие подобных описаний «татар» в русских летописях и иных нарративных источниках труднообъяснимо. Вероятнее всего, основной причиной этого историко-культурного феномена стали сложившиеся к тому времени правила составления летописных записей, не включавшие в себя традицию подробного описания внешности «иноплеменников».

В завершении рассмотрения темы, следует отметить, что к концу эпохи ордынского владычества, образ «татар» в летописных и историко-литературных источниках окончательно теряет эсхатологическую окраску, трансформируясь в представления о них как об обычных людях, с которыми возможны не только враждебные отношения, но и вполне мирные контакты, в том числе и в сфере этно-культурных заимствований. В XIV в. «татарское» влияние начинает проникать в сферы бытовой и политической культуры Северо-Восточной Руси. Одним из наиболее ярких свидетельств этого процесса является использование в тексте древнерусского эпоса «Задонщина» таких «татарских» слов как «Орда» и «катуни» («Чему ты, поганый Мамай, посяга-

¹⁰ «Эти тартары в основном среднего роста и достаточно стройные благодаря, [во-первых, употреблению] молока кобылиц, которое делает человека худым, и, [во-вторых, повседневному] труду. Лица у них широки. [Они] имеют выдающиеся вперед скулы. И кроме того, они выбривают на голове круг, наподобие наших клириков, имеющих [тонзуру], от которого они обыкновенно выбривают в направлении каждого уха [полосу] размером в три пальца. А на лбу они носят челку до самых бровей, ниспадающую в виде полумесяца. А оставшиеся же волосы они отпускают и заплетают [в косы], как сарацины» [34, с. 115].

ешь на Рускую землю? То ты била Орда Залеская...»¹¹; «Уже нам братие, в земле своей не бывати и детей своих не видати, а катунь своих не трепати...») [10]. Несмотря на четкое определение автором произведения «татар» как врагов «Руской земли» [10], наличие в самом тексте эпоса оригинальных терминологических заимствований, позволяет сделать вывод о том, что к моменту Куликовской битвы «татары» воспринимались уже не как inferнальные «дивьи люди», а как вполне обычный народ («язык»), использовать бытовую и военно-политическую терминологию которого было вполне допустимо даже в героической «поэме», прославлявшей победу русских ратей над «погаными».

Подводя итоги исследования, следует констатировать, что основными факторами, повлиявшими на становление первоначального образа «татар» в письменном нарративе государств «христианского мира» являлись религиозные представления об устройстве мира и происхождении народов, а также сведения, полученные от очевидцев вторжения монгольских («татарских») войск в русские земли и страны Восточной и Центральной Европы и Южного Кавказа. В дальнейшем, под воздействием происходивших изменений военно-политической ситуации, интеграции в военную и административную структуру чингизидских улусов, а также регулярных дипломатических, экономических и религиозно-миссионерских контактов представителей правящих элит и образованных слоев общества христианских государств с «татарами», их образ претерпел довольно значительные изменения, трансформировавшись из представления о них, как о «затворенных» народах и «плебсе Сатаны» к вполне реалистичным, и в некоторых моментах комплиментарным описаниям «татар» как одного из народов Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анонимный грузинский «Хронограф XIV в. М.: ИЭА РАН, 2005. 152 с.
2. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 156 с.
3. Выдержки из «Истории о Михаиле и Андронике Палеологах» Георгия Пахимера // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань: Татарское книжное изд-во, 2011. 438 с.
4. Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж: Новый взгляд, 2012. 230 с.
5. Гайденко П.И., Салимгареев М.В., Хохлов А.В. «Москва-второй Сарай»? (Об идеолого-политических амбициях древнерусской знати эпохи Дмитрия Ивановича Донского) // Факты и символы. 2021. № 26. С. 39–46. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-26-1-39-46
6. Гайденко П.И. От «Орды Залеской» к «Третьему Риму» // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 240–250. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-3-240-250

¹¹ К настоящему времени в исторических исследованиях присутствуют две гипотезы трактовки термина «Орда Залеская». Согласно первой, так автором «Задонщины» обозначались земли Северо-Восточной Руси, чьи военные силы участвовали в Куликовской битве [30, с. 124–126; 5, с. 39–46; 6, с. 240–250]. По второй версии, «Залеской Ордой» в «Задонщине» названо непосредственно русское воинство, разгромившее орду Мамай [7, с. 7–10].

7. Горский А.А. «Орда Залесская»: об одном заблуждении // *Humanities reseaches of the Central Russia*. 2024. № 1 (30). С. 7–10. DOI: 10.24412/2541-9056-2024-130-7-10
8. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 592 с.
9. Дробышев Ю.И. «Монголы» и «татары» в XIII в.: две грани одного мифа // *Игра престолов на Востоке: Политический миф и реальность* М.: ИВ РАН, 2023. С. 217–234.
10. Задонщина. Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче, и о брате его, князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамай. Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А.Дмитриева [электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4980> (дата обращения: 15.02.2025).
11. Зайцев И.В. Без гнева и пристрастия. Татары и русские в зеркале взаимного восприятия // *Родина*, 2005. № 8. С. 100–107.
12. История монголов инока Магакии, XIII века. СПб., 1871. 104 с.
13. Исхаков Д.М. Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // *Золотоордынское обозрение*. 2016. Т. 4, № 2. С. 420–442.
14. Киракос Гандзакечи. История Армении. М.: Наука, 1976. 357 с.
15. Книга Юбилеев или Малое Бытие // *Ветхозаветные апокрифы*. Пер. Е.В. Витковского. М.: Фолио, 2001. С. 15–38.
16. Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. 297 с.
17. Ляпин Д.А. Потомки Иафета: сакральное пограничье и мотив отмщения в «Задонщине» // *Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях*. Научный журнал. 2019. № 1(11). С. 74–84. DOI: 10.24441/2618-9674-2019-10005
18. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат. А.С. Досаева. СПб.: Дмитрий Булавин, 2012. 304 с.
19. Матузова В.И. Английские средневековые источники. М.: «Наука». 1979. 269 с.
20. Николов А. Образ татаро-монголов Золотой Орды и Ильханов в сочинениях пропагандистов Крестовых походов (конец XIII – начало XIV вв.) // *Золотоордынское обозрение*. № 4. 2015. С. 14–28.
21. Плано Карпини Иоанн де. История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова; подгот. лат. текста П. В. Лукина, пер. с лат. А.А. Вовина, П.В. Лукина, коммент. А.А. Горского, П.В. Лукина, С.А. Масловой, Р.Ю. Почекаева, В.В. Трепавлова; Ин-т российской истории РАН. М.: ИДВ РАН, 2022. 383 с.
22. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1956. 287 с.
23. Поучение преподобного Серапиона [электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4963> (дата обращения: 14.02.2025).
24. Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 392 с.
25. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 Стб.
26. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. 316 с.
27. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига. 2014. 272 с.
28. Рудаков В.Н. Два взгляда на ордынское нашествие в общественном сознании Руси второй половины XIII – начала XIV в. // *Архивы и история российской государственности*. Вып. 3 / Отв. редактор А.Р. Соколов, А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 6–16.

29. Селезнев Ю.В. Полемиические заметки об образе татар в русской средневековой книжности // *Studia Slavica, et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). С. 215–232.
30. Селезнев Ю.В. Русь – Залесская Орда? Откуда растут татарские корни русской государственности // *Родина*. 2012. № 9. С. 124–126.
31. Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань. Татарское кн. изд-во. 2011. 438 с.
32. Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы в древнерусской книжной культуре // *Из истории русской культуры. Древняя Русь*. Т. 1. М., 2000. С. 691–716.
33. Хаутала Р. От “Давида, царя Индий” до “ненавистного плебса сатаны”. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 2. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 496 с.
34. Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 года [Критический текст, перевод с латыни «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа] / Подготовка латинского текста и перевод С.В. Аксенов и А.Г. Юрченко; Экспозиция и исследование А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
35. Golden P. Nomads in the Sedentary Word: The Case of Pre-Cinggisid Rus and Georgia // *Nomads in the Sedentary Word / Khazanov A.M., Wink A. (eds.)*. Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001. 93 p.
36. Ostrowski D. G. Muscovy and the Mongols: cross-cultural influences on the Step Frontier 1304–1589. Cambridge, New York. 1998. 329 p.

REFERENCES

1. Anonymous Georgian Chronograph of the 14th century. Moscow, 2005. 152 p. (In Russian)
2. Armenian sources about the Mongols. Extracts from manuscripts of the 13th–14th centuries. Moscow: Izdatelstvo Vostochnoy literatiry, 1962. 156 p. (In Russian)
3. Excerpts from "The Story of Mikhail and Andronik Palaiologos" by George Pakhimer. The formation and flourishing of the Golden Horde. Sources on the history of the Jochi Ulus (1266–1359). Kazan: Tatar Book Publishing House, 2011. 438 p. (In Russian)
4. Galperin Ch. The Tatar Yoke: the image of the Mongols in Medieval Russia. Voronezh, 2012. 230 p. (In Russian)
5. Gaidenko P.I., Salimgareev M.V., Khokhlov A.V. "Moscow-the second Barn"? (About the ideological and political ambitions of the ancient Russian nobility of the era of Dmitry Ivanovich Donskoy). *Facts and Symbols*. 2021, no. 26. pp. 39–46. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-26-1-39-46 (In Russian)
6. Gaidenko P.I. From the "Trans-Forestal Horde" to the "Third Rome". *Novoe Proshloe=The New past*. 2023, no. 3, pp. 240–250. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-240-250 (In Russian)
7. Gorsky A. A. "Orda Zalesskaya": about one misconception. *Humanities research of the Central Russia*. 2024, no. 1 (30), pp. 7–10. DOI: 10.24412/2541-9056-2024-130-7-10 (In Russian)
8. Dolgov V.V. The way of life and customs of Ancient Russia. The worlds of everyday life of the 11th–13th centuries. St. Petersburg: Publishing house of Oleg Abyshko, 2017. 592 p. (In Russian)
9. Drobyshev Yu.I. "Mongols" and "Tatars" in the 13th century.: two facets of one myth. *Game of Thrones in the East: Political myth and reality* Moscow: Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, 2023, pp. 217–234. (In Russian)

10. Zadonshchina. A word about Grand Duke Dmitry Ivanovich, and about his brother, Prince Vladimir Andreevich, who defeated their adversary Tsar Mamai. Text preparation, translation and comments by L.A. Dmitriev [electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4980> (date accessed 15.02.2025). (In Russian)
11. Zaitsev I.V. Without anger and addiction. Tatars and Russians in the mirror of mutual perception. *Homeland*. 2005, no. 8. pp. 100–107. (In Russian)
12. The history of the Mongols of the monk of Magakia, 13th century. St. Petersburg, 1871. 104 p. (In Russian)
13. Iskhakov D.M. The term of the "Tatar-Mongols/ Mongol-Tatars": the ethnic or political concept? An experience of the source and conceptual analysis. *Zolotoordynskoe Obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 2. pp. 420–442. (In Russian)
14. Kirakos Gandzaketsi. The History of Armenia. M.: Nauka. 1976. 357 p. (In Russian)
15. The Book of Jubilees or Little Genesis. Old Testament apocrypha. Translated by E.V. Vitkovsky. Moscow: Folio, 2001, pp. 15–38. (In Russian)
16. Laushkin A.V. Rus and the neighbors: the history of ethnoconfessional ideas in Ancient Russian literature of the 11th–13th centuries. Moscow, 2019. 297 p.
17. Lyapin D.A. Descendants of Japhet: Sacral Borderland and the motive of Vengeance in "Zadonshchina". *Paleorussia. Ancient Russia in time, in personalities, in ideas. Scientific journal*. 2019, no. 1(11), pp. 74–84. DOI: 10.24441/2618-9674-2019-10005 (In Russian)
18. Master Rogery. A sorrowful song about the ruin of the Hungarian Kingdom by the Tatars. St. Petersburg: Dmitry Bulavin, 2012. 304 p. (In Russian)
19. Matuzova V.I. English medieval sources. Moscow: Nauka, 1979. 269 p.
20. Nikolov A. The image of the Tatar-Mongols of the Golden Horde and Ilkhan Horde in the writings of the Crusades propagandists (from the end of the 13th to the beginning of the 14th centuries). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 4, pp. 14–28. (In Russian)
21. Plano Carpini John de. The History of the Mongols: Text, translation, comments. Edited by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov; Latin translation. text by P.V. Lukin, translated from Latin by A.A. Vovin, P.V. Lukin, commentary by A.A. Gorsky, P.V. Lukin, S.A. Maslova, R.Yu. Pochekaev, V.V. Trepavlov. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 2022. 383 p.
22. Journey to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubruk. Moscow, 1956. 287 p. (In Russian)
23. The teaching of St. Serapion [electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4963> (date accessed 14.02.2025). (In Russian)
24. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Lavrentievskaya chronicle. Leningrad, 1926–1928. 392 p. (In Russian)
25. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 2. The Ipatiev Chronicle. St. Petersburg, 1908. 938 col. (In Russian)
26. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 3. The Novgorod first chronicle of the elder and younger izvodov. Moscow, 1950. 316 p. (In Russian)
27. Rudakov V.N. Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian scribes of the middle of the 13th–15th centuries. Moscow: Quadriga, 2014. 272 p. (In Russian)
28. Rudakov V.N. Two views on the Horde invasion in the public consciousness of Russia in the second half of the 13th – early 14th centuries. Archives and History of Russian statehood. Iss. 3. Editor-in-chief A.R. Sokolov, A.Yu. Dvornichenko. St. Petersburg, 2012, pp. 6–16.

29. Seleznev Yu.V. Polemical notes on the image of Tatars in Russian medieval literature. *Studia Slavica, et Balcanica Metropolitana*. 2011, no. 1 (9), pp. 215–232. (In Russian)
30. Seleznev Yu.V. Rus – Zalesky Horde? Where do the Tatar roots of Russian statehood grow from. *Rodina*. 2012, no. 9, pp. 124–126. (In Russian)
31. The formation and flourishing of the Golden Horde. Sources on the history of the Jochi Ulus (1266–1359). Kazan. Tatar Publishing house. 2011. 438 p.
32. Chekin L. S. The Godless sons of Ishmael. Polovtsians and other peoples in the Old Russian book culture. From the History of Russian Culture. Ancient Rus. Vol. 1. Moscow, 2000, pp. 691–716. (In Russian)
33. Hautala R. From David the "King of the Indies" to the "godless plebs of Satan." Kazan, 2015. 496 p. (In Russian)
34. The Christian World and the Great Mongol Empire. Materials of the Franciscan mission of 1245 (Critical text, Latin translation of the "History of Tartarus" by Brother Ts. de Bridia). Preparation of the Latin text and translation by S.V. Aksenov and A.G. Yurchenko; Exposition and research by A.G. Yurchenko. St. Petersburg: Eurasia, 2002. 478 p.
35. Golden P. Nomads in the Sedentary Word: The Case of Pre-Cinggisid Rus and Georgia. Nomads in the Sedentary Word. Khazanov A.M., Wink A. (eds.). Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001. 93 p. (In United States of America)
36. Ostrowski D. G. Muscovy and the Mongols: cross-cultural influences on the Step Frontier 1304–1589. Cambridge, New York. 1998. 329 p. (In United States of America)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонид Вячеславович Воротынец – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Тэймур Рустэмович Галимов – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonid V. Vorotyntsev – Cand. Sci. (History), Researcher Fellow, Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer at the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 03.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 22.05.2025

Принята к публикации / Accepted 02.06.2025